

редко приводит их к героическому стоицизму (Ронсар) и к скепсису (Монтень).

Под этим же углом зрения воспринимает действительность и Жак Ивер (1520-ок. 1571). Его книга, «Весна Ивера»,¹¹ вышла, видимо, уже после смерти автора, в 1572 году. Она состоит из пяти больших новелл, связанных не очень сложным и не очень пространством обрамлением: компания знатных кавалеров и дам, носящих многозначительные символические имена, развлекается в некоем замке, рассказывая перед ужином о случаях трагических и трогательных, о Примерах возвышенной любви, истинного благородства и т. д., что, однако, не приносит их носителям покоя и счастья. Что касается образов рассказчиков, то здесь они не очень индивидуализированы: содержание новелл тоже никак их не характеризует, ибо Тональность рассказываемых историй одна и та же.

Персонажи новелл Ивера оказываются обычно игрушкой в руках неумолимой и жестокой судьбы; они с неумолимым упорством идут навстречу уготованной им трагической жизненной развязке и сами ускоряют ее – либо накладывая на себя руки (когда удары судьбы становятся слишком неожиданными, незаслуженными и жестокими), либо добровольно отказываются – не от счастья даже, а от возможности хоть как-то поправить свою жизнь, и обрекают себя на одиночество и аскезу, либо просто умирают, от избытка чувств (если не от шпаги или яда скрытых или явных недругов). По мысли автора, добро и зло, успех и несчастье разлиты в жизни в равных дозах, и за миг удачи надо тут же платить сторицей. Как говорит один из персонажей обрамления, «счастье и несчастье чередуются столь же неизбежно, как после дождя бывает солнце, а после солнца дождь; поэтому следует помнить, что колесо не перестает вращаться, и, возносясь вверх, ждать падения вниз». Так на словах. А на деле в той действительности, которую рисует Жак Ивер, зло явно клонит весы человеческих судеб в свою сторону, трагическое начало несомненно доминирует.

Казалось бы, писатель довольно точен в своих картинах: в его новеллах фигурируют действительно имевшие место события (скажем, итальянские войны Франциска I), называются известные политические деятели эпохи. Отчасти верно (но, быть может, несколько предвзято) обрисована политика итальянских монархов и пап, царившие на их дворах вероломство, жестокость и одновременно – определенный культ внешней, показной рыцарственности. И на этом достоверном фоне Ивер плетет свои вымыслы. Особенно вымышлены, нарочито разложены по полочкам, а потому явно упрощены характеры его героев. Отсюда и длинноты в описаниях их переживаний, сильных и трогательных, отсюда же – обилие приподнятых, полных восклицаний монологов, обильно насыщенных примерами из античной мифологии и историк, вообще вся та риторика, которая до краев наполняет книгу Ивера. Тут уже не было ничего общего с лирическим напряжением «Гептамерона», никогда не грешившего ложной патетикой и многословием.

Далеко не случайно отдельные сюжеты из «Весны» были использованы в трагедии конца века (в том числе предшественником Шекспира Кидом в его «Испанской трагедии»). Тот пессимистический взгляд на действительность, который доминирует в «Весне», в еще более сгущенном, гипертрофированном виде обнаруживается в произведениях Франсуа де Россе (ок. 1570-ок. 1619), чей сборник «Трагических историй» (1614) представляет собой яркий образец барочной новеллистики.

Однако творчество подражателей и последователей Банделло является не единственным вариантом эволюции французской позднеренессансной новеллы. Немало писателей продолжало разрабатывать исконные домашние сюжеты, создавая новеллы-очерки и новеллы-анекдоты, отмеченные «острым галльским смыслом», и рисовать картины повседневной жизни средних слоев тогдашнего общества. Но новеллы эти не складывались в сборники, да и не существовали автономно. Они обильно насыщали, в качестве колоритнейших и веселых примеров, книги довольно неопределенной жанровой принадлежности. В основном это бывали заметки и рассуждения о чем угодно – о любви, о ревности, о вине, о женщинах, о браке и семейном согласии о вражде и дружбе, о молодости и старости и т. д. Такова книга пуатевинца Гийома Буше «Утра» (1584), таковы «Девять утренних бесед» и «Послеполуденные беседы» (обе изданы в 1585 г.) Жана Дагоно, сеньоре де Шольера (1509–1592), такова и замечательная книга Франсуа Бероальда де Вервиля (1556 – ок. 1612) «Способ преуспеть» (издана ок. 1610 г.).

¹¹ Здесь перед нами прозрачная игра слов, так как фамилия автора Ивер означает «зима».